

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-6-8-45

«Кузбасс-2035»: гадание на стратегиях или перезагрузка¹

В.А. КРЮКОВ, академик РАН, доктор экономических наук.

E-mail: kryukov@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-7315-6044, директор

Ю.А. ФРИДМАН, доктор экономических наук.

E-mail: yurifridman@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3120-7197

Г.Н. РЕЧКО, кандидат экономических наук.

E-mail: rgn.kem@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7423-4051

Е.Ю. ЛОГИНОВА, кандидат политических наук.

E-mail: katrin.2007@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2743-3653

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. С момента создания Кемеровской области в 1943 г. проблемам долгосрочного развития региона были посвящены две общесоюзные конференции (1948 г. и 1988 г.) и пять стратегических документов, разработанных различными коллективами. Последняя стратегия утверждена в декабре 2020 г. Но жизнь в регионе неизменно отличается от «предсказанной». Мы отдаём себе отчёт в том, что нет таких специалистов, которые могут видеть реальную картину развития Кузбасса в горизонте 25–30 лет. Модели поведения власти, бизнеса, населения региона под влиянием научно-технического прогресса и в связи с реализацией идей глобального мира меняются практически постоянно, а в будущем скорость этих изменений может стать гораздо выше. Поэтому в современном региональном стратегировании самое важное – не угадать, какими темпами будет развиваться регион, а понять, какая базовая экономическая идея ляжет в основу моделей и инструментов развития, какие его конкурентные преимущества уже сегодня могут быть полезны государству и инвесторам, и что нужно сделать для наращивания конкурентных преимуществ, с одной стороны, и минимизации внутренних и внешних рисков – с другой. В ИЭОПП СО РАН накоплен определённый опыт стратегического планирования Сибири и ее регионов. А в настоящее время коллектив института совместно с ведущими профильными научными и образовательными организациями-партнерами работает над стратегией развития азиатской части России. Эта публикация посвящена *авторской оценке современных процессов стратегирования развития Кузбасса с позиций сибирской школы стратегического планирования*², а также анализу предлагаемых драйверов роста и инструментов управления. В статье выдвигается идея перезагрузки стратегических планов развития Кузбасса как региона-полигона отработки новых инструментов развития азиатской части РФ.

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках проекта «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279–5.

² См., напр.: [Селиверстов, 2013, 2016; Томская область..., 2014; Ресурсные регионы..., 2017; Трансформационные процессы..., 2017; Крюков и др., 2020; Структурная модернизация..., 2020].

Ключевые слова: Кузбасс; стратегирование; якорный проект; факторы конкурентоспособности; драйвер; инструмент; институты развития

«Кузбасс – одна из твердынь, на которых зиждется могущество нашего государства».

Академик Л.Д. Шевяков³

Постановка проблемы

На протяжении последнего столетия экономическая политика Кузбасса (а в 2021 г. будет отмечаться 300-летие с момента открытия здесь залежей угля) опиралась на центральные (генеральные) экономические идеи, формулируемые государством, – именно они определяли основные интересы и институты региона. Напомним целевые приоритеты отдельных периодов развития:

- создание на востоке страны второго Донбасса (1925–1948 гг.);
- создание и развитие Урало-Кузнецкого комбината (1950–1965 гг.);
- создание Кузбасского территориально-производственного комплекса (ТПК) (1965–1980 гг.).

Надо отдать должное специалистам, которые определяли экономические идеи развития Кузбасса до конца 1970-х и властям, которые воплощали их в жизнь. В 1960–1970-х гг. Кемеровская область была одним из самых благополучных регионов страны, а роль Кузбасса в экономике СССР была сопоставима с такими мегапроектами, как Транссиб, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, ТПК Ангаро-Енисейского региона, БАМ [Очерки экономики Сибири..., 1980; Александров и др., 1991].

Но уже в 1980-е гг. Кузбасс «лег в экономический дрейф» и к концу десятилетия превратился в проблемный регион. То были годы «экономической смуты», когда государство, по сути, отказалось от участия в экономической судьбе Кемеровской области, делегировав ей самой различные «инструменты выживания» (хотя правильнее будет сказать, что регион на волне шахтерских забастовок конца восьмидесятых буквально

³ Народнохозяйственные проблемы Кузбасса. Труды конференции по изучению производительных сил Кузбасса (17–23 ноября 1948 г., Кемерово) / гл. ред. акад. И. П. Бардин. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 60.

«выбивал» их из Центра). В эти годы Кузбасс испробовал такие инструменты, как «региональный хозрасчёт» и «свободная экономическая зона».

Было бы ошибкой считать, что они ничего не дали региону. Использование данных инструментов показало: выход на мировые рынки позволяет продвинутым угольным предприятиям достаточно быстро решить проблемы технического перевооружения, стимулирования производительности (в качестве оплаты за уголь в регион ввозились автомобили, электроника, одежда, обувь). Однако самый важный эффект заключался в другом: применение этих инструментов доказало нерелевантность существовавших на тот момент предложений западных политических и экономических институтов относительно путей развития Кузнецкого угольного бассейна, что в конечном итоге способствовало разработке государственной программы реструктуризации угольной промышленности страны. Впоследствии реализация этой программы дала возможность региону не только продержаться на плаву в 1990-е гг., но и сделала угольные активы привлекательными для частных инвесторов.

Тем не менее надежды властей Кемеровской области на то, что проект под условным названием «Уголь Кузбасса – богатство России» выступит драйвером развития ее экономики, и рыночные механизмы обеспечат гармонизацию интересов региона и угольного бизнеса, не оправдались.

В 2004 г. Минэкономразвития России представил Программу экономического и социального развития Кемеровской области на 2005–2010 гг.⁴, основную идею которой можно с определенной долей условности определить как восстановление экономики Кузбасса «через модернизацию базовых элементов региональной социально-экономической системы с учетом интересов регионального бизнеса и использования уже имеющихся наработок». По сути, предлагалось сосредоточиться на восстановлении роли Кузбасса в качестве индустриального центра Сибири.

⁴ Программа экономического и социального развития Кемеровской области на 2005–2010 годы. – Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН (СОПС), Москва – Кемерово, 2004. URL: http://www.ako.ru/official/strukt/ECONOM/upp_o2005.asp (дата обращения: 06.04.2017).

К сожалению, разработчики программы не убедили власти Кемеровской области в эффективности ориентации на внутренние рынки, не дали чётких сигналов, что открывшиеся возможности наращивания экспорта угля не только определяют высокие дивиденды, сверхприбыли угольных компаний, растущий региональный бюджет, но и влекут огромные риски нестабильности мировых рынков и, как следствие, снижение доходов всех участников проекта «Уголь Кузбасса – богатство России». Но самое главное – не были проведены исследования эффективности этого проекта.

Оценив доходы от экспорта угля в 16 млрд долл. ежегодно, никто не считал затраты, включая льготные железнодорожные тарифы для экспортёров, потерю регионом биоресурсов на миллиарды долларов, рост заболеваемости среди населения. Предупреждение экологов о том, что объем добычи угля в 200 млн т в год является предельным для Кузбасса, было воспринято без должного внимания. А оценка региональных властей, что ежегодная добыча угля в Кузбассе свыше 230 млн т окажет деструктивное влияние на его экономику, не была услышана [Исламов, 2012].

Уже в 2005–2006 гг. власти региона на фоне снижения доходности угольного бизнеса из-за высоких цен на нефть и нефтепродукты заговорили о том, что угольные компании не используют уголь как сырьё для производства продукции с высокой добавленной стоимостью, не занимаются его глубокой переработкой⁵. Исправить эти ошибки были призваны «Программа экономического и социального развития Кемеровской области на период

⁵ См., напр.: Инвестиции в экологию России с 2000 года увеличились практически в два раза и достигли к 2004 году 41,17 млрд рублей // Официальный сайт Правительства Кузбасса. – 25.10.2005. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-28504> (дата обращения 19.03.2021); Сегодня губернатор А. Г. Тулеев на пленарном заседании сессии Совета народных депутатов Кемеровской области выступил с бюджетным посланием на 2007 год // Официальный сайт Правительства Кузбасса. – 31.10.2006. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-62912> (дата обращения: 19.03.2021); Как подчеркнул губернатор А. Г. Тулеев в «Бюджетном послании», шахтёры Кузбасса в 2007 году впервые за всю историю угледобычи в регионе выйдут на уровень 180 млн тонн угля // Официальный сайт Администрации Правительства Кузбасса. – 16.11.2007. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-20821> (дата обращения: 19.03.2021).

2007–2012 гг.»⁶ и «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г.»⁷.

Базовая идея, заложенная в этих документах, – ускоренное развитие региона за счёт применения потенциально успешных мировых практик. Новыми драйверами экономического роста были определены оптовая и розничная торговля, «городские» услуги (автосервис, жилищный ремонт, бытовые услуги и пр.), «другие отрасли промышленности»⁸. В следующие несколько лет предпринимались сравнительно активные попытки практического воплощения этих идей. Но экономический кризис 2008–2009 гг. поставил под сомнение как сами стратегические приоритеты, так и их полезность для региона.

В конце 2010 г. на фоне продолжающегося кризиса и явных провалов принятых моделей развития в Кемеровской области начался процесс актуализации стратегии социально-экономического развития. В результате появилась «Рабочая тетрадь»⁹, в которой нашли отражение актуальные вопросы, связанные с поиском новых драйверов роста. Ими были названы метаноугольная отрасль, нефтепереработка, формирование энергоугольных кластеров, переработка отходов, в 2012 г. появился и перечень конкретных инструментов реализации новых приоритетов¹⁰.

Анализ документов стратегического планирования 2000–2015 гг. и оценка фактического состояния социально-экономической системы Кузбасса показывают, что все стратегии и программы выступали лишь прикрытием для лоббирования региональными властями интересов угольного бизнеса. И вместо трансформации социально-экономической системы реги-

⁶ Утв. Законом Кемеровской области № 75-ОЗ от 11.07.2008). URL: <http://docs.cntd.ru/document/990308351> (дата обращения: 10.03.2021);

⁷ Утв. Законом Кемеровской области № 74-ОЗ от 11.07.2008). URL: <http://docs.cntd.ru/document/990308346> (дата обращения: 10.03.2021).

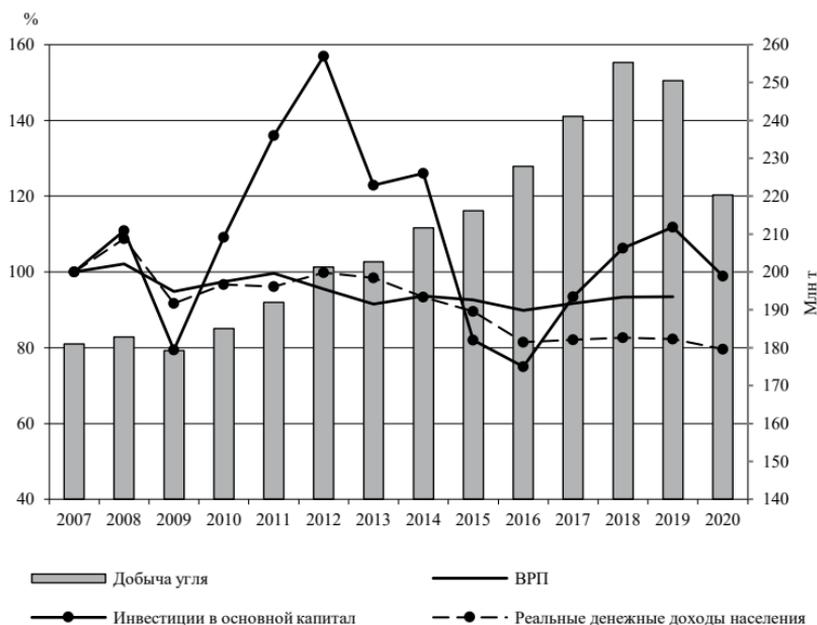
⁸ См. текст Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года (С. 181).

⁹ Рабочая тетрадь. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г. URL: <http://www.ako.ru/STRATEG/default.asp> (дата обращения: 25.04.2017).

¹⁰ Распоряжение Коллегии администрации Кемеровской области № 271-р от 28.03.2012 «Об основных направлениях модернизации экономики области и актуализации стратегии социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2025 года с учетом развития территориальных кластеров». URL: ako.ru/PRESS/MESS/TEXT/STR/rk_28-03-12_271.docx (дата обращения: 06.04.2017).

она в систему высокого уровня это привело к её деградации и разбалансированию. Рост добычи угля в Кузбассе более чем на 40% за последние 10 лет практически не способствовал росту ВРП, сопровождался падением уровня жизни, нарастанием экологических проблем, отрицательной миграцией (см., напр.: [Крюков и др., 2018, 2020; Фридман и др., 2019]).

Именно в этом заключается на сегодняшний день главный стратегический вызов для Кемеровской области – Кузбасса (рис. 1).

Источник: рассчитано авторами на основе данных Кемеровостата; объем добычи угля – по данным [Таразанов, 2015, 2017; Таразанов, Губанов, 2020, 2021].

Рис. 1. Динамика отдельных индикаторов развития экономики Кемеровской области в 2007–2020 гг. (правая шкала – объем добычи угля, млн т; левая шкала – проценты относительно 2007 г. = 100%)

Несмотря на то, что стратегическое планирование в регионе постепенно стало приобретать черты «ярмарочных гаданий», в конце 2016 г. было заявлено о предстоящей разработке новой Стратегии социально-экономического развития Кемеровской

области до 2035 г., которая и была утверждена в 2018 г. по итогам широкой общественной дискуссии (далее – стратегия «Кузбасс-2035» (2018))¹¹. Авторы документа попытались исправить существующие тренды и связать рост добычи угля с ростом уровня жизни, решением экологических проблем, утилизацией отходов, а в качестве базовой экономической идеи провозгласили *возвращение Кузбассу статуса индустриального центра России.*

Ключевым инструментом достижения такой цели разработчики выбрали ускоренное развитие региона на основе увеличения числа высокооплачиваемых рабочих мест, возврата в регион «экспортированных» финансовых ресурсов за счёт выплаты налогов по месту функционирования бизнеса и развития внутрирегионального потребления, запуска программ для решения социальных и экологических проблем региона [Ивантер и др., 2018].

Стратегия предполагала три этапа развития экономики Кузбасса:

- 1) «Рывок» в 2018–2019 гг.;
- 2) «Динамичное развитие» в 2020–2024 гг.;
- 3) «Устойчивое благополучие» в 2025–2035 гг.

На третьем этапе намечалась реализация мегапроекта по увеличению добычи угля более чем на 100 млн т на основе государственно-частного партнёрства (бизнес берет на себя добычу и первичную переработку угля, государство – доставку по железной дороге до восточных портов). Однако в последние несколько лет возникли принципиально новые внешние шоки, которые могут поражать как «генетику» существующей социально-экономической системы региона, так и систему программно-проектных решений на всех уровнях планирования и прогнозирования от корпоративного до межгосударственного. К таким шокам относятся мировая климатическая повестка, глобальная декарбонизация, предполагающая переход к модели низкоуглеродного развития экономики, а также, конечно, пандемия коронавируса. *Сегодня именно эта группа факторов определяет траекторию движения не только мировой и национальных экономик, но и экономик отдельных регионов.*

¹¹ Утверждена Законом Кемеровской области № 122-ОЗ от 26.12.2018.

Эти шоки остановили тот небольшой экономический рост, который был в Кемеровской области.

По итогам 2019 г. ВРП Кузбасса вырос всего на 0,1%¹²; добыча угля сократилась на 4,8 млн т [Таразанов, Губанов, 2020. С. 56], а в 2020 г. – уже на 30,9 млн т [Таразанов, Губанов, 2021. С. 29]; сальдированный финансовый результат деятельности предприятий сферы «добыча угля» по итогам 2020 г. составил почти 61 млрд руб. убытков (в 2019 г. – 54,5 млрд руб. прибыли), что естественно отразилось на экономике региона в целом – 8,7 млрд руб. убытков в 2020 г. против 123,8 млрд руб. прибыли в 2019г.¹³

В настоящее время регион оказался в очередном тупике. Во-первых, стратегия «Кузбасс-2035» (2018) попала в турбулентность внешних шоков, и одна из её главных идей – ускорение развития на старте – оказалась нереализуемой. Во-вторых, в 2020 г. Правительство РФ утвердило новую «Программу развития угольной промышленности России до 2035 года», тем самым проведя апгрейд своих прежних решений по развитию угледобычи в Кузнецком бассейне. И наконец, в-третьих, власти оказались не готовы к использованию инструментов давления на бизнес, предложенных в стратегии «Кузбасс-2035» (2018).

Не удивительно, что у руководителей региона возник запрос на новую стратегию развития, главным посылом которой должны быть следующие постулаты: уголь (в самом широком смысле – как основной ресурс региона, базовая отрасль) трогать нельзя, уголь – это «священная корова», «уголь никому ничего не должен»¹⁴.

Обычная практика работы со стратегическими документами предполагает их актуализацию, то есть настройку под новые внутренние и внешние условия в том случае, если генеральные цели развития не меняются. Но поскольку региональные власти

¹² URL: <https://kemerovostat.gks.ru/folder/38633> (дата обращения: 17.03.2021).

¹³ URL: <https://kemerovostat.gks.ru/folder/38674> (дата обращения: 17.03.2021).

¹⁴ Для примера только один пассаж из новой стратегии «Кузбасс-2035»: «сокращение (не прекращение, а именно сокращение – Прим. авторов статьи) доли транспортирования угля автотранспортом по дорогам общего пользования по мере развития инфраструктуры железнодорожного транспорта» URL: [https://ako.ru/upload/medialibrary/4a4/163-%D0%9E%D0%97%20\(1\).pdf](https://ako.ru/upload/medialibrary/4a4/163-%D0%9E%D0%97%20(1).pdf) (дата обращения: 14.02.2021). С. 19.

отвергли прежнюю парадигму развития, актуализация оказалась нерелевантной.

В 2020 г. была найдена подходящая команда разработчиков, и региональные власти приняли новую стратегию «Кузбасс-2035» (2020).

О некоторых методологических особенностях разработки стратегии «Кузбасс-2035» (2020)

Надо оговориться, что на сегодняшний день нет общепринятой методики разработки региональных стратегий. Закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» основными задачами разработки стратегии называет определение внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений и приоритетов развития. Главными принципами в нем обозначены преемственность и непрерывность, разграничение полномочий, реалистичность, ресурсная обеспеченность, результативность, эффективность и измеримость целей.

Региональные власти и авторы стратегии «Кузбасс-2035» (2020) утверждают, что она разработана на основе оригинальной методики профессора В.Л. Квинта. В его монографии «Концепция стратегирования» [Квинт, 2020] описано авторское понимание законов, подходов и принципов этой науки.

Два важнейших из них – закон экономии времени и закон реализации только и исключительно стратегических приоритетов, обеспеченных конкурентными преимуществами. В контексте нашего исследования мы неоднократно будем возвращаться именно ко второму закону.

В.Л. Квинт выделяет три подхода стратегического мышления. Первый из них – стратегия новых горизонтов, требующий от разработчиков, в частности, способности «распознавать и анализировать инновационные и радикальные асимметричные и экспонентные пути к успеху». Второй подход – стратегия улучшений. В его основе – системный анализ «подсистем объекта стратегирования, его элементов и функций». Третий – стратегия совмещений, когда используются два первых подхода.

Автор описывает 15 принципов (правил) стратегирования. Мы выбрали только те, которые, по нашему мнению,

действительно имеют отношение к разработке социально-экономических стратегий.

1. В стратегии нельзя полагаться только на здравый смысл.
2. В стратегии мнение большинства обычно ошибочно.
3. В стратегии настоящее – это уже прошлое.
4. Стратеги не должны разрабатывать предсказуемые модели и сценарии стратегии.
5. Стратегии должны оптимизировать ограниченные ресурсы.
6. Стратеги должны выявлять истинные ценности, интересы и приоритеты стратегируемого объекта, а не просто ориентироваться на желания его руководителей.

Как видим, авторская концепция не предусматривает проведение глубокого и разностороннего анализа современного социально-экономического положения региона, уровня его конкурентоспособности, реализации прежних стратегий развития.

Не совсем понятно, как конкретно использовали разработчики новой кузбасской стратегии концепцию В. Л. Квинта, но, по всей видимости, руководствуясь ею и тезисом о том, что «Кузбасс – это сибирский характер и созидание», в основу документа они положили восемь принципов¹⁵: безопасность и надежность; социальная ответственность; экологичность и здоровье населения; качество жизни, продукции и услуг; цифровизация и умная специализация; открытость обществу и рынкам; лидерство в обоснованных сферах экономики, науки, культуры, спорта, туризма; финансовая стабильность и безопасность.

Авторы стратегии утверждают, что именно следование этим принципам, а также гарантированное обеспечение уже имеющимися в Кузбассе конкурентными преимуществами и ресурсами, позволило им выделить семь контуров и 39 субъектов стратегических приоритетов (табл. 1).

¹⁵ Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года (утв. Законом Кемеровской области – Кузбасса № 163-ОЗ от 23.12.2020. URL: [https://ako.ru/upload/medialibrary/4a4/163-%D0%9E%D0%97%20\(1\).pdf](https://ako.ru/upload/medialibrary/4a4/163-%D0%9E%D0%97%20(1).pdf) (дата обращения: 14.02.2021).

Таблица 1. Контуры приоритетов и их приоритетные субъекты стратегирования в Стратегии «Кузбасс-35» (утв. в 2020 г.)¹⁶

Контуры приоритетов	Приоритетные субъекты стратегирования
1. Кузбасс – регион достойной жизни людей	1.1. Кузбасс – Центр профессионального превосходства. 1.2. Кузбасс – Центр высокого качества жизни населения. 1.3. Кузбасс – Центр достойного труда. 1.4. Кузбасс – Центр новых компетенций и рабочих мест зеленой экономики.
2. Стратегическое обеспечение безопасности Кузбасса	2.1. Стратегирование продовольственной безопасности и обеспечения питьевой водой населения Кузбасса. 2.2. Стратегирование экологической безопасности Кузбасса и сокращение угроз, обусловленных чрезвычайными ситуациями и пожарами. 2.3. Стратегирование информационной и финансовой безопасности в условиях цифровизации Кузбасса. 2.4. Стратегирование общественной безопасности.
3. Стратегическая диверсификация экономики Кузбасса	3.1. Полезные ископаемые – основа развития приоритетных отраслей промышленности Кузбасса. 3.2. Стратегические преобразования угольно-промышленного комплекса Кузбасса. 3.3. Стратегическая модернизация проходческого и добычного оборудования на предприятиях угольно-промышленного комплекса Кузбасса. 3.4. Стратегирование модернизации химической промышленности Кузбасса. 3.5. Стратегирование формирования новых зеленых отраслей и производств Кузбасса. 3.6. Стратегирование развития водородной энергетики Кузбасса. 3.7. Стратегирование обеспеченности природным газом населения и предприятий Кузбасса. 3.8. Стратегические преобразования агропромышленного комплекса Кузбасса. 3.9. Эффективное развитие пищевой и перерабатывающей промышленности Кузбасса. 3.10. Стратегические преобразования туризма, выставочно-ярмарочной деятельности и международных культурных связей Кузбасса. 3.11. Стратегирование развития городской и сельской инфраструктуры и создания благоприятной городской и сельской среды в Кузбассе (в том числе в моногородах). 3.12. Стратегическое развитие внутрирегиональной транспортной системы Кузбасса. 3.13. Стратегическое развитие на территории Кузбасса железнодорожного транспорта и высокоскоростных магистралей национальной стратегической значимости.

¹⁶ В редакции разработчиков Стратегии.

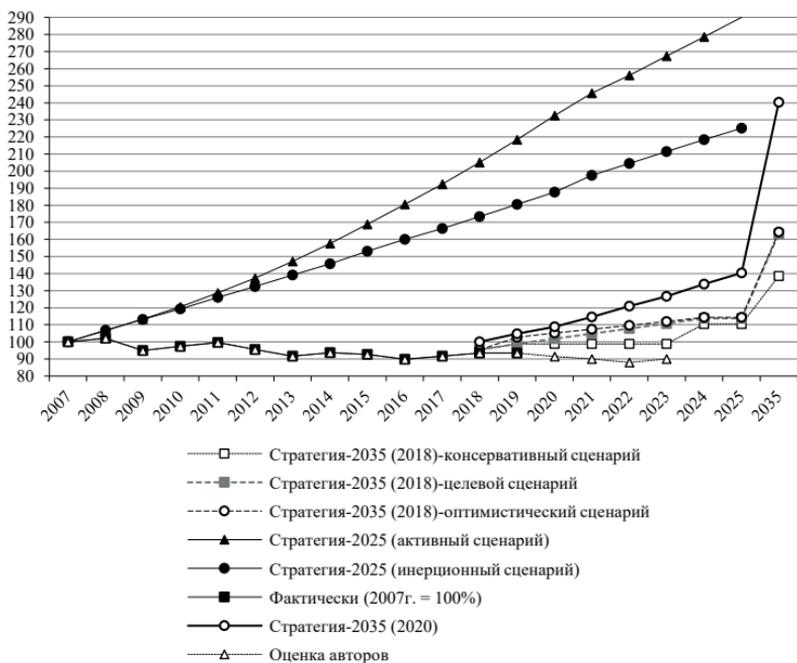
Окончание табл.1.

Контур приоритетов	Приоритетные субъекты стратегирования
4. Стратегическое развитие систем жизнеобеспечения Кузбасса (водоснабжение и водоотведение)	4.1. Обеспечение Кузбасса безопасными и эффективными источниками водоснабжения. 4.2. Актуализация схем водоснабжения и водоотведения всех городов и муниципальных образований Кузбасса. 4.3. Повышение надежности и бесперебойности функционирования систем водоснабжения и водоотведения Кузбасса. 4.4. Повышение энергоэффективности работы систем водоснабжения и водоотведения Кузбасса. 4.5. Модернизация контроля качества воды и сточных вод в централизованных и нецентрализованных системах водоснабжения и водоотведения Кузбасса. 4.6. Применение наилучших доступных технологий в системах водоснабжения и водоотведения Кузбасса. 4.7. Стратегирование системы водоснабжения и водоотведения Кузбасса на основе «Цифрового водоканала». 4.8. Повышение экологической ответственности абонентов систем водоснабжения и водоотведения – предприятий, организаций и населения Кузбасса.
5. Стратегирование внешнеэкономических, научно-образовательных, культурных, спортивных связей и международной кооперации	5.1. Кардинальное преобразование Кузбасса в торговый центр и хаб Сибири. 5.2. Создание Торгового дома «Кузбасс», электронной платформы KuzbassTrade и геоинформационной платформы KuzbassInvest. 5.3. Формирование глобального стратегического бренда Кузбасса. 5.4. Диверсификация товарной структуры и направлений экспорта Кузбасса.
6. Стратегирование научно-технологического потенциала Кузбасса и цифровизации региональной экономики	6.1. Развитие цифровых технологий в экономике Кузбасса. 6.2. Эффективное участие Кузбасса в федеральном проекте «Цифровой Обь-Иртышский бассейн». 6.3. Развитие ситуационных центров в системе цифрового потенциала Кузбасса. 6.4. Применение в ситуационных центрах Кузбасса прогнозных и стратегических механизмов имитационного моделирования.
7. Стратегирование финансовой системы Кузбасса	7.1. Трансформация финансовой системы и развитие авангардных финансовых институтов развития Кузбасса. 7.2. Стратегирование развития рынка ценных бумаг в Кузбассе.

Источник. Составлено по: Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года (утв. Законом Кемеровской области – Кузбасса № 163-ОЗ от 23.12.2020. URL: [https://ako.ru/upload/medialibrary/4a4/163-%D0%9E%D0%97%20\(1\).pdf](https://ako.ru/upload/medialibrary/4a4/163-%D0%9E%D0%97%20(1).pdf) (дата обращения: 14.02.2021).

И власти региона, и разработчики новой стратегии уверяют, что реализация указанных приоритетов в том числе создаст условия «для **глобального технологического лидерства Кузбасса** (выделено авторами) как индустриального центра России, диверсифицированных и надёжных систем транспортных

коммуникаций с другими регионами и государствами»¹⁷, позволит минимизировать внешние и внутренние шоки, обеспечит ускоренное развитие региона (рис. 2), его экономическую, экологическую, социальную и финансовую безопасность, выведет Кузбасс в лидеры по росту уровня жизни населения.

Примечание: показатели стратегий «Кузбасс-2025» (2007) и «Кузбасс-2035» (2018) представлены относительно 2007 г. = 100%, стратегия «Кузбасс-2035» (2020) – относительно 2018 г. = 100%.

Источник: данные Росстата (2007–2019 гг.), целевые показатели из стратегий «Кузбасс-2025» (2007) и «Кузбасс-2035» (2018), динамика ВРП из стратегии «Кузбасс-2035» (2020) и расчеты авторов.

Рис. 2. Динамика ВРП, произведенного в Кемеровской области фактически и в сценариях развития экономики региона, в 2007–2035 гг.

¹⁷ В Кузбассе одобрена Стратегия развития на период до 2035 года // Официальный сайт Администрации Правительства Кузбасса. 19.09.2020. – URL: <https://ako.ru/news/detail/v-kuzbasse-odobrena-strategiya-razvitiya-na-period-do-2035-goda> (дата обращения: 25.09.2020).

Между тем стратегия производит впечатление документа, сделанного в стиле пэчворк: она как лоскутное одеяло собрана из всем известных штампов-лозунгов и желания региональных властей везде и всегда быть первыми и лучшими. Например, решение проблем роста жизненного уровня видится авторам стратегии в превращении Кузбасса в центр профессионального превосходства, высокого качества жизни, достойного труда, новых компетенций и рабочих мест зеленой экономики. Каким именно образом, в документе не раскрывается. Точно так же за скобками остается вопрос о наличии в Кузбассе необходимых для этого конкурентных преимуществ, которых нет в Новосибирской и Томской областях, Алтайском и Красноярском краях, а они, полагаем, не менее достойны быть такими центрами.

Странно, но разработчиков документа не смутило то обстоятельство, что в последние 12 лет (с 2008 г.) экономика Кемеровской области топталась на месте – темпы прироста ВРП были либо отрицательными, либо колебались в диапазоне от нуля до 1–2%¹⁸. Примечательно, что в конце 2020 г. одновременно с принятием новой стратегии региональные власти фактически дезавуировали предложенную ее авторами концепцию роста ВРП, выдвинув свою гипотезу: падение ВРП в 2020 г., его восстановление до уровня 2019 г. в 2021 г. и в 2022–2023 гг. ежегодный прирост на уровне 5,8–6,3%. Даже с такими темпами догнать уровень ВРП, «нарисованный» разработчиками, не удастся¹⁹.

Не смутили составителей стратегии «Кузбасс-2035» (2020) и те обстоятельства, что более 20 субъектов стратегирования из 39 «кочуют» из одного стратегического документа в другой уже 15 лет (обращаем внимание на прогнозы темпов роста в стратегии «Кузбасс-2025»), а некоторые из них по своей сути не являются субъектами стратегирования²⁰. Более того, только 5–6 субъектов стратегирования из названных ими могут оказывать непосредственное влияние на темпы развития экономики региона, реализация же остальных потребует огромных бюджетных вложений.

¹⁸ URL: <https://kemerovostat.gks.ru/folder/38633> (дата обращения: 18.03.2021).

¹⁹ URL: https://www.ofukem.ru/upload/iblock/6ab/bg2021_2023pr_1.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

²⁰ К примеру, «Полезные ископаемые – основа развития приоритетных отраслей промышленности Кузбасса» не более чем констатация факта.

К сожалению, стратегия «Кузбасс-2035» (2020) построена на глубоком заблуждении, что мощные внутренние и внешние шоки, которые буквально нокаутировали Кемеровскую область в 2019 и 2020 гг., можно минимизировать амбициозностью будущих проектов и набором деклараций о «прорывных точечных проектах», «авангардных методах», «стратегических инициативах», «принципах зелёной экономики», «интеллектуальной транспортной системе», «экологическом машиностроении», «инновациях собственного производства», «авангардных финансовых институтах»²¹.

Более того, авторы документа уверены, что реализация «прорывных точечных проектов»²² «радикально улучшит общественный и экономический климат Кузбасса».

Также странной выглядит идея решить проблемы ускоренного развития за счёт создания всевозможных региональных резервов и вложений средств в системы безопасности. Даже не специалисты в области стратегирования понимают: чем больше средств резервируется (замораживается), тем меньше условий для ускоренного развития.

По нашему мнению, вся оригинальность заявленной методики сводится к поиску неких экономических «фишек» и «новых форматов» вместо глубокого изучения трендов трансформации социально-экономической системы региона и поиска новых идей его развития.

В завершение отметим: мы не исключаем того факта, что отдельные крупные проекты (сверхважные и сверхчувствительные для России) можно реализовать в Кузбассе в короткие сроки. Но, к большому сожалению, все вышеперечисленные стратегические, с точки зрения региона, проекты не являются таковыми для страны в целом.

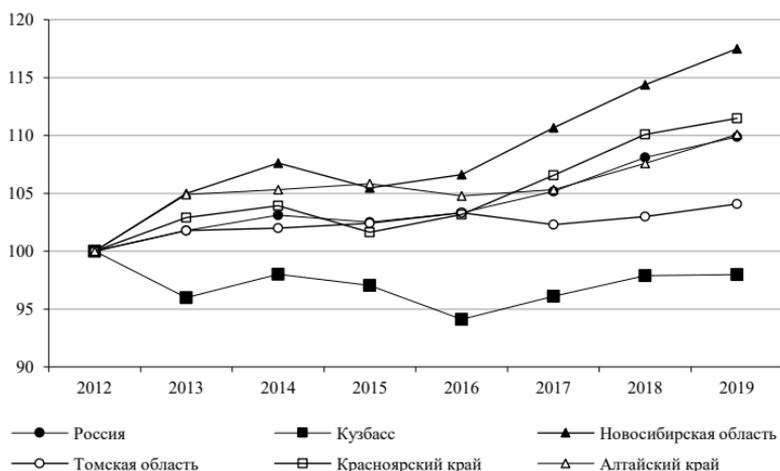
²¹ Авторы документа в буквальном смысле тащат в Кузбасс всё из современного мира науки и техники, за исключением, пожалуй, строительства установок ВИЭ и космодромов.

²² Ни разъяснения о том, что авторы понимают под точечными проектами, ни их перечень мы в тексте стратегии «Кузбасс-2035» (2020) не обнаружили.

Экономическая модель ускоренного развития Кузбасса: возможности и барьеры

Модели ускоренного развития регионов давно и хорошо известны (см., например [Солоу, 1987; Ресурсная модель..., 2016; Ресурсные регионы ..., 2017; Латкин, Шохина, 2019]). Все они базируются на четырёх опорах: ключевой экономической идее, соединяющей интересы территории, бизнеса, населения и власти; конкурентных преимуществах; драйверах роста, реализующих эти конкурентные преимущества; бизнес-климате (технике, инструментах и системе управления развитием).

В современной России такую технологию роста успешно используют Московская, Ленинградская, Калужская и Тульская области, Краснодарский край. Из сибирских регионов, с некоторой долей осторожности, можно отметить Новосибирскую область и Красноярский край (рис. 3).

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Рис. 3. Динамика валового регионального продукта в России, Кузбассе и соседних с ним регионах (2012 г. = 100%) в 2012–2019 гг.

В 2017–2020 гг. мы исследовали региональные факторы конкурентоспособности Кузбасса в сравнении с соседними регионами – анализировали социально-демографические, инновационно-производственные, природно-ресурсные, экологические, инфраструктурные, институциональные и другие факторы.

Подробно результаты этих исследований были опубликованы [Крюков и др., 2020], здесь ограничимся несколькими важнейшими индикаторами конкурентоспособности и замечаниями относительно стратегирования будущего региона (табл. 2).

Таблица 2. Основные показатели развития Кемеровской области – Кузбасса в сравнении с соседними сибирскими регионами и Россией в целом (2019 г.)

Показатель	Куз- басс	Ново- сибир- ская об- ласть	Том- ская область	Красно- ярский край	Алтай- ский край	Россия
ВРП на душу населения (в текущих ценах), руб.	416 501	504 043	577 551	938 016	271 320	645 982
Удельный вес промышленности в ВРП, %	45,6	19,0	40,5	62,4	21,2	33,8
Из них:						
добыча полезных ископаемых	26,3	3,1	27,5	22,4	0,5	13,5
обрабатывающие производства	14,0	12,9	10,1	36,3	17,8	16,8
Объем инвестиций в основной капитал (в фактически действовавших ценах), млн руб.	297 946	248 078	96 214	426 491	115 369	193 188 12
Инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах), руб.	111 755	88 733	89 223	148 596	49 621	131 631
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб.	1 656,8	25 793,4	16 786,7	27 103,4	2 029,2	11 347 86,7
Внутренние затраты на научные исследования и разработки (на 1000 руб. ВРП)	1,49	18,3	26,95	10,07	3,12	11,97
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %	10,3	17,7	27,8	14,6	17,1	21,6
Затраты на инновационную деятельность организаций, % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	0,6	1,1	2,5	2,3	1,7	2,1
Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции, %	1,0	2,9	2,8	4,7	3,1	5,3
Оборот малых предприятий в общем обороте организаций, %	12,9	54,0	26,0	17,8	41,0	26,8

Окончание табл. 2

Показатель	Куз- басс	Ново- сibir- ская об- ласть	Том- ская область	Красно- ярский край	Алтай- ский край	Россия
Среднедушевые денежные до- ходы населения (в ценах соот- ветствующих лет), руб. в месяц	24 886	30 535	28 381	31 739	23 937	35 247
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного ми- нимума, %	244,0	266,5	247,6	251,6	241,1	323,7
Расходы консолидированного бюджета региона, млн руб.	196 945	205 007	83 406	289 759	126 016	13567,6 млрд руб.
Расходы консолидированного бюджета региона на душу на- селения. руб.	73 870	73 327	77 342	100 958	54 200	92 444

Источник: составлено по данным Росстата и расчетам авторов по ним.

1. Кузбасс является сырьевым регионом²³ с удельным весом «добычи угля» в структуре ВРП свыше 35% (по итогам 2019 г. – около 26%). Бюджет Кемеровской области планируется, исходя из экспортных цен на уголь.

2. Более 60% кузбасского ВРП производится вертикально интегрированными корпорациями, крупными торговыми сетями. В добыче угля этот показатель превышает 70%.

3. В регионе до сих пор актуальны проблемы, решение которых было предусмотрено «Программой реструктуризации угольной промышленности» (утилизация терриконов, снос ветхого жилья)²⁴.

4. Несмотря на высокую долю корпораций, в ВРП Кемеровской области удельный вес инновационных товаров в общем

²³ Мы внимательно следим за дискуссией на эту тему, но отталкиваемся от фактического состояния экономики региона и официальных документов (см. Паспорт Кемеровской области – Кузбасса (утв. Распоряжением правительства Кемеровской области – Кузбасса. № 87-п от 30.12.2020). URL: <https://bulleten-kuzbass.ru/bulletin/297042> (дата обращения: 11.01.2021)).

²⁴ Например, Программа социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса до 2024 г., (утв. распоряжением Правительства РФ № 556-п от 06.03.2021), по-прежнему включает проблему аварийного жилья в регионе в число «особо актуальных и первоочередных» и предполагает в течение ближайших четырех лет выделение дополнительного финансирования из федерального бюджета на ее решение. URL: <http://static.government.ru/media/files/JdaK3JTUTv5pCKcPuG4ttgPRv6lnaxuU.pdf> (дата обращения: 15.03.2021)).

объёме отгруженной продукции в 2019 г. составил всего 1,0% и снизился за последние четыре года в три раза.

5. Корпорации не заинтересованы в инновационном развитии Кузбасса. Затраты на технологические инновации в 2019 г. составили 10,2 млрд руб., или 0,6% в общем объёме отгруженных товаров (и это в разы ниже уровня соседних сибирских регионов и среднего по России).

6. Удельный вес «экономики знаний» в ВРП Кемеровской области составляет около 10% (оценка 2019 г.), из них более половины приходится на здравоохранение. В среднем по России такой показатель находится на уровне 15% (в Западной Европе – 35%, в США – 40%) [Аганбегян, 2020].

7. Доля малого бизнеса (включая индивидуальных предпринимателей) составляет в Кемеровской области 16,8% (2019) в объёме отгруженных товаров. С 2016 г. идёт сокращение численности занятых в малом и среднем предпринимательстве, примерно на 10 тыс. человек в год [Стратегирование человеческого потенциала..., 2020. С. 296].

8. В Кузбассе относительно низкий уровень жизни населения: среднедушевые денежные доходы составляют около 25 тыс. руб. в месяц против более 35 тыс. руб. в среднем по России, отмечается ежегодное сокращение численности населения региона (за 2017–2020 гг. Кузбасс «потерял» более 75 тыс. человек). Доля людей, живущих за чертой бедности, составляет 14%.

9. В ближайшие 3–4 года в Кемеровской области прогнозируется существенное снижение налоговых поступлений в бюджет и масштабные заимствования как по межбюджетной линии, так и у коммерческих банков²⁵. По уровню долга (примерно 60 млрд руб.) Кузбасс вернулся к уровню 2018 г.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в регионе нет ни экономического, ни экологического, ни человеческого внутреннего потенциала (критической массы) для ускоренного развития.

²⁵ См., напр.: распоряжение Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 727-р от 13.11.2020 «Об утверждении Долговой политики Кемеровской области – Кузбасса на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Официальный сайт Администрации Правительства Кузбасс. URL: <https://bulleten-kuzbass.ru/bulletin/293325> (дата обращения: 15.03.2021).

Драйверы роста

Авторы стратегии «Кузбасс-2035» (2020) предлагают целый набор точек роста – от ускоренного развития угольной промышленности до производства бутилированной воды. Мы выбрали для обсуждения только те, которые, по нашему мнению, действительно могут при определенных обстоятельствах оказать влияние на темпы развития региона.

Добыча и обогащение угля. У Кузбасса практически нет конкурентных преимуществ, кроме системы «запасы угля + относительно эффективные технологии его добычи и первичной переработки + логистика доставки на основные мировые рынки + поддержка государством экспорта угля». То есть с точки зрения существующей модели развития региона если из неё «уберем уголь, все остальное развалится, как картонный домик»²⁶. Вместе с тем опыт последних 20 лет показал, что рост добычи угля не ведёт к ускоренному развитию региона, он лишь обеспечивает стабильность региональной экономики, позволяет ей оставаться на плаву. Однако лояльность к углю региональных властей, к сожалению, не компенсирует внешние шоки.

Проблема в том, что региональный угольный бизнес попал в так называемый «идеальный шторм»²⁷:

- в мире наблюдается снижение объёмов энергопотребления и падение цен на ископаемые энергоносители из-за замедления темпов роста экономики (особенно усилившегося в связи с пандемией коронавируса), повышения энергоэффективности (совершенствование технологий), быстрого роста возобновляемых источников энергии. Мир уже вступил в «четвёртый энергопереход», главной парадигмой которого является декарбонизация в производстве энергии;
- уголь – первый углеводород, который попадает «под нож» декарбонизации. Страны Западной Европы первыми планируют отказаться от угольной генерации до 2030–2035 гг.;

²⁶ Усков Н. «Если мы уберем уголь, все остальное развалится, как картонный домик». Интервью с губернатором Кемеровской области Сергеем Цивилевым // Российская версия журнала Forbes. (21.09.2020). URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/409517-esli-my-uberem-ugol-vse-ostalnoe-razvalitsya-kak-kartochnyy-domik-intervyu-s> (дата обращения: 15.01.2021).

²⁷ Так эксперты называют ситуацию, когда на экономику одновременно дают несколько внутренних и внешних неблагоприятных факторов, сложение которых существенно увеличивает их совокупный негативный эффект.

- угольные компании уже ощутили на себе давление мировых финансовых корпораций, все чаще декларирующих присоединение к политике дивестинга (сокращения, ухода инвестиций) в отношении проектов в сфере ископаемого топлива²⁸;

- вполне вероятно, что через 3–7 лет во многих странах будет введен углеродный налог, снижающий эффективность угольного экспорта²⁹. В 2021 г. Евросоюз уже начал вводить экомаркировку на крупнотоннажную продукцию³⁰;

- не исключено, что для сдерживания российского экспорта угля будет задействован санкционный режим;

- страны G7 на майской 2021г. встрече министров экологии договорились прекратить финансирование строительства угольных электростанций до конца 2021г.

В настоящее время уже практически не осталось экспертов, оспаривающих тренды на декарбонизацию, продолжают лишь дискуссии о скорости этих процессов в разных странах. Понятно, что в ближайшие 15–20 лет ситуация в паре «ВИЭ – ископаемые углеводороды» будет не «или/или», а скорее (даже наверняка), «и/и», причем процесс вытеснения углеводородов пойдёт гораздо медленнее в Европе, чем сегодняшние прогнозы, а в Азии активно начнётся не раньше 2030–2040 гг. У зелёной энергетики ещё очень много нерешенных проблем³¹, и их решение – вопрос не только инвестиций, но и времени.

Однако позицию некоторых экспертов о том, что и Запад, и Восток ещё долго будут «сидеть» на угольной генерации, а в дальнейшем можно рассчитывать на распространение технологий сжигания угля без выбросов CO₂, на наш взгляд, не стоит рассматривать как рабочую. Европу точно никто и ничто

²⁸ См., напр.: *Едовина Т.* Углероды теряют фонды // Коммерсантъ. Приложение «Регенерация». (24.03.2020). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4291060> (дата обращения: 30.06.2020).

²⁹ См., напр.: *Фадеева А.* КРМГ оценила ущерб для России от введения углеродного налога в ЕС // РБК. (07.07.2020). URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f0339a39a79470b2fdb51be> (дата обращения: 12.01.2021); *Колпаков А., Порфирьев Б., Широков А.* Как пройти тур // Эксперт. (18–24.01.2021). URL: <https://expert.ru/expert/2021/04/kak-projti-tur/> (дата обращения: 15.02.2021).

³⁰ Уже введена экомаркировка на минеральные удобрения (*Катков М., Волобуев А.* ЕС вводит экомаркировку удобрений // Ведомости. (05.03.2021). URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/03/05/860310-es-vvodit> (дата обращения: 07.03.2021)).

³¹ Например, одной из самых больших проблем является проблема накопления и хранения энергии ветряных и солнечных станций.

не остановит³², Восток хотя и будет ещё несколько десятилетий использовать угольную генерацию, но конкуренция поставщиков за восточные рынки сильно вырастет.

Полагаем, велика вероятность того, что цены на уголь на мировых рынках будут реально диктоваться двумя странами – Китаем и Индией, без привязки к нефти и газу³³. Таким образом, спрос на уголь может даже вырасти (тем более относительно падения 2019–2020 гг.), но цикл высоких цен на уголь, несмотря на рост цен в сырьевом секторе, вряд ли возможен.

Нельзя не отметить несколько, на наш взгляд, важных моментов для выстраивания отношений в системе «угольный бизнес – регион». Первый – внутренняя конкуренция за рынки Китая и Индии со стороны мощных компаний, добывающих уголь в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Компания «А-Проперти» планирует к 2023 г. довести добычу угля на Эльгинском месторождении (Якутия) до 45 млн т в год, вложив около 130 млрд руб.³⁴ Холдинг AEON собирается добывать к 2030 г. до 10 млн т на полуострове Таймыр³⁵. Стратегия развития компании «Колмар» (Якутия) предусматривает уже к 2022 г. увеличение добычи до 22 млн т, причем производитель нацелен на расширение экспорта в страны АТР³⁶.

Таким образом, к 2030 г. на Востоке и Севере России будет добываться не менее 100 млн т экспортного угля, высококонкурентного по качеству и транспортной логистике. Заметим, что, в отличие от Кузбасса, многие корпорации, добывающие уголь в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, имеют

³² Так, в Германии уже утверждены дорожные карты закрытия угольной генерации в 2030-е гг. Крупные фонды, регулярно скупающие бумаги РЖД, отказались от покупки, ссылаясь на углеродный след при перевозке угля.

³³ В подтверждение этого тезиса приведём такой пример. В феврале 2021 г. власти Китая приняли решение об увеличении числа рабочих дней в угледобыче. Цены на российский энергетический уголь упали на 10 долл./т на условиях FOB Находка. При этом цены на нефть и природный газ выросли.

³⁴ *Зайнуллин Е.* Инвестор раскрыл планы по развитию Эльгинского месторождения // Коммерсантъ. (08.06.2020). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4372922> (дата обращения: 25.12.2020).

³⁵ *Мингазов С.* Миллиардер Троценко закажет 28 судов на \$1,4 млрд для вывоза угля из Арктики // Российская версия журнала Forbes. (16.02.2021). URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/421277-milliarder-trocenko-zakazhet-28-sudov-na-14-mlrd-dlya-vyvoza-uglya-iz> (дата обращения: 10.03.2021).

³⁶ *Халудоров Т., Волобуев А.* «Колмар» нацелился на расширение экспорта // Ведомости. (11.09.2020). URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/09/10/839553-kolmar-natselilsya> (дата обращения: 15.03.2021).

государственное участие. Использование южного коридора (порты Чёрного и Азовского морей) для экспорта кузбасских углей может смягчить проблему транспортировки угля в восточные порты, но не решить её при условии наращивания экспорта.

Второй важный аспект – эффективность запасов угля в Кузбассе снижается! В земле, в нетронутых тоннах – большой потенциал, но в товарном угле (в деньгах) он существенно меньше, так как «сливки» уже давно сняты, а готовые запасы по качеству намного хуже и по технологиям добычи дороже [Копытов, Шаклеин, 2018; Шаклеин, Писаренко, 2019]).

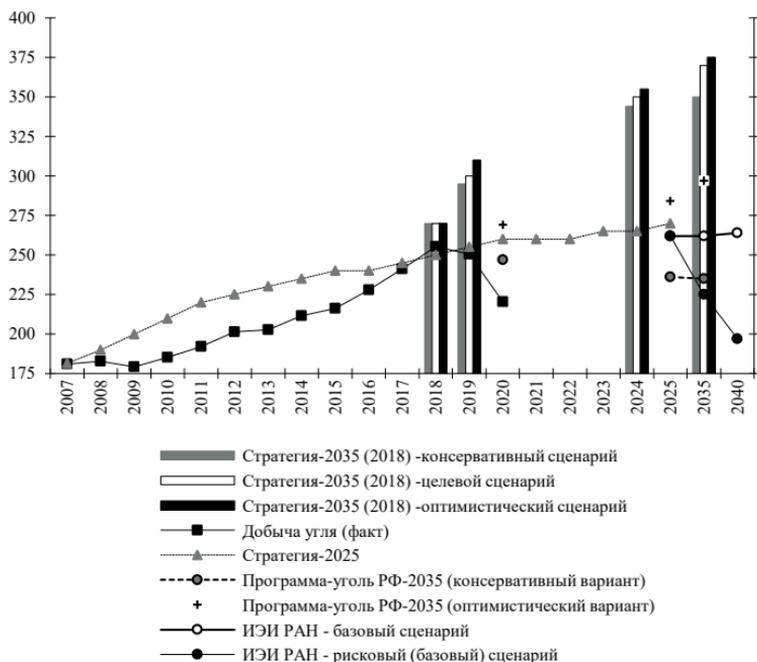
Третий – реализация программы «Чистый уголь – зелёный Кузбасс»³⁷ и поручения Президента России относительно выделения части экспортной выручки³⁸ на инвестиции в неугольные активы существенно увеличат затраты и снизят конкурентные позиции угольного бизнеса в Кузбассе. Борьба за сокращение издержек может привести к ликвидации даже весьма условного сегодня понятия «добыча угля как социально ориентированный бизнес».

На этом фоне уже появились прогнозы (например, Института энергетических исследований РАН – ИЭИ РАН) [Плаkitкин и др., 2020] падения добычи угля в Кузбассе к 2035 г. до 197 млн т (рис. 4).

Четвёртый заслуживающий внимания вопрос – практическая несостоятельность концепции создания в Кузбассе углехимического кластера как потребителя большого объема угля и драйвера роста его добычи, впрочем, как и драйвера долгосрочного развития экономики региона в целом. Ключевая проблема – в отсутствии интереса бизнеса и государства к этой отрасли. Уголь как сырьё в условиях рынка проигрывает конкурентную борьбу нефти и газу. В перспективе 10–15 лет в Кемеровской области можно ожидать лишь появления комплекса наукоемких предприятий по производству мало- и среднетоннажной углехимической продукции. Другое дело, насколько регион окажется способен воспользоваться тем мультипликативным эффектом, которым потенциально обладает такой комплекс.

³⁷ См., напр.: Чистый уголь – зелёный Кузбасс // Кузбасс. (23.08.2019). URL: <http://kuzbass85.ru/2019/08/23/chistyj-ugol-zelenyj-kuzbass/> (дата обращения: 20.11.2020).

³⁸ Зайнуллин Е., Скорлыгина Н. Уголь с зеленым прицепом // Коммерсантъ. (05.03.2021). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4713545> (дата обращения: 06.03.2021).

Источник. Составлено по данным [Таразанов, 2015, 2017; Таразанов, Губанов, 2020, 2021]; стратегия «Кузбасс-2025»; целевые показатели из стратегии «Кузбасс-2035» (2018); Программа развития угольной промышленности России на период до 2035 г.; ИЭИ РАН [Плаkitкин и др., 2020].

Рис. 4. Динамика добычи угля в сценариях развития экономики Кемеровской области стратегий «Кузбасс-2025» (2007) и «Кузбасс-2035» (2018), Программы развития угольной промышленности России-2035 и прогноза ИЭИ РАН в 2007–2040 гг.

Пятый момент, имеющий непосредственное отношение к эффективности взаимодействия угольного бизнеса и региона, заключается в том, что чем позже власти Кузбасса осознают неизбежность перехода угольной отрасли из категории системообразующих в категорию отраслей стабильного развития, тем болезненнее будет происходить процесс трансформации. Мир разработал необходимый набор инструментов и накопил достаточно опыта в решении таких проблем: диверсификация экономики, переобучение, управляемая миграция. Мы не согласны с позицией отдельных авторов, утверждающих, что

в Кузбассе отсутствует социальное напряжение³⁹. Угольный бизнес не просто не в состоянии платить достойную зарплату, он имеет многомиллионные задолженности по зарплате, выплату части которых государство уже вынуждено брать на себя⁴⁰.

Таким образом, внешние и внутренние шоки, как уже имеющие место, так и ожидаемые в близкой и более далекой перспективе, не позволят угольной отрасли Кемеровской области выступить драйвером ускоренного развития, но, бесспорно, будут важными, если не определяющими факторами стабильного состояния региональной экономики как минимум в течение еще 15–20 лет.

Машиностроительные кластеры. Машиностроение не является отраслью специализации Кемеровской области, оно создавалось и развивалось (за исключением оборонных отраслей) преимущественно для производства и ремонта несложного оборудования, предназначенного для основных отраслей специализации региона (уголь, черная металлургия и химическая промышленность, транспорт) (табл. 3).

Таблица 3. Объем отгруженных товаров, работ и услуг машиностроительного производства Кемеровской области в 2017–2020 гг. (в фактически действовавших ценах), млн руб.

Показатель	2017	2018	2019	2020
Машиностроительное производство, всего	41103,5	54214,6	69788,8	61068
В том числе:				
компьютеров, электронных и оптических изделий	634,5	629,3	670,7	746,9
электрического оборудования	2790,5	3048,6	3736,3	3594,5
машин и оборудования, не включённых в другие группировки	12369,4	13524,6	18005,3	15185,1
автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	1189,0	1077,2	880,0	1133,5
прочих транспортных средств и оборудования	3462,1	8797,1	13311,6	11411,2
ремонт и монтаж машин и оборудования	20658,0	27137,8	33184,9	28996,8
Удельный вес машиностроения в общем промышленном производстве Кемеровской области, %	2,6	2,9	4,0	4,06

Источник: составлено по данным Кемеровостата.

³⁹ См. напр.: *Никитина М.* За приоритеты углю расплачиваются РЖД и остальные отрасли // Ведомости. – 24.03.2021. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/03/23/862846-prioriteti-uglyu> (дата обращения: 30.03.2021).

⁴⁰ Например, в марте 2021 г. Правительство РФ распорядилось направить более 200 млн руб. на погашение задолженности по зарплате перед работниками шахты «Алексиевская» в Кузбассе: Правительство выделило более 1,3 млрд руб. на поддержку регионов Сибирского федерального округа // Оф. сайт Правительства РФ. – 24.03.2021. – URL: <http://government.ru/news/41800/> (дата обращения: 30.03.2021).

Как следует из таблицы, половина «производства» в отрасли приходится на ремонт и монтаж (535 предприятий из 908). Доля занятых в машиностроении составляет 2,5% от занятых в экономике региона и не меняется годами, инвестиции в отрасль за 2017–2020 гг. не превышали 1% от их общего объема в экономике Кемеровской области.

Новая стратегия «Кузбасс-2035» декларирует следующую цель развития машиностроения в регионе – сформировать институциональные условия для выпуска конкурентоспособной инновационной машиностроительной продукции с высокой добавленной стоимостью на основе массового внедрения прорывных технологий в металлургии, электронном машиностроении и приборостроении, обеспечивающей потребности ведущих отраслей экономики: угольной, металлургической, химической, а также сельского хозяйства, транспорта и *экологического машиностроения* (выделено авторами).

Идея создания в Кемеровской области машиностроительного кластера по производству горно-шахтного оборудования кочует из стратегии в стратегию. Она базируется на ура-патриотическом представлении о том, что 65–70% ввозимой в регион импортной техники для угольной отрасли можно производить на местных предприятиях, и она окажется даже лучше ввозимой, будучи адаптирована к геологическим условиям Кузбасса.

Однако производители техники за рубежом давно создают оборудование «под конкретную кузбасскую лаву», а все попытки создать производство сложной техники в Кузбассе потерпели неудачу (в первую очередь – по причине отсутствия необходимых компетенций). Юргинский же машиностроительный завод, на который возлагались надежды как на завод-лидер, оказался банкротом и в декабре 2020 г. прекратил свою хозяйственную деятельность⁴¹.

Следует отметить, что практика импортозамещения имеет довольно ограниченное влияние на будущее развитие, поскольку она, как правило, основана на воссоздании подходов и решений, уже реализованных в других странах.

⁴¹ Лавренков И. Юрмаш отошел от станка // Коммерсантъ (Новосибирск) (03.11.2020). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4558038> (дата обращения: 01.04.2021).

Мировой (США, Канада, Норвегия) опыт показывает, что добыча сырья и производство оборудования для этого отнюдь не обязательно связаны территориально, а плохая экология не является конкурентным преимуществом для производства в Кузбассе экологического оборудования.

Исходя из сказанного, на региональное машиностроение Кемеровской области надо смотреть в контексте развития всей Сибири, а не отдельно взятого региона. Когда-то машиностроение Донбасса и Урала поднимало Кузбасс. Сегодня Кузбасс должен интегрироваться в крупные проекты на Востоке и Севере, в том числе в Арктике. Целесообразно также стянуть в Кузбасс все компетенции для создания национального центра управления продвижением, производством и внедрением в масштабе страны инновационного оборудования для угольной энергетики с использованием «зелёных» технологий сжигания твердого топлива: как для малой энергетики (с целью замены устаревших и неэффективных угольных котельных), так и для большой (здесь помимо модернизации отечественной генерации можно поставить амбициозную задачу экспансии на Восток не только с поставками угля, но именно пары «уголь + оборудование для его сжигания без выбросов CO₂»).

Отрасли экономической стабильности. Весьма прозрачны надежды на увеличение роли химической, химико-фармацевтической и нефтеперерабатывающей отраслей в ускоренном развитии Кемеровской области. Ключевым драйвером для химической промышленности сейчас является тренд на реализацию в России крупномасштабных проектов по строительству нефтегазохимических комплексов. По оценке ИЭОПП СО РАН, стратегические ориентиры развития нефтегазохимии в России охватывают около 200 проектов с совокупным объёмом инвестиций более 1,5 трлн руб. Среди них такие гиганты, как Амурский ГХК, ГХК «Усть Луга», Иркутский ГХК с инвестициями более 100 млрд долл. США до 2035 г. У флагмана кузбасской химии – предприятия «Азот» – были неплохие шансы на развитие в системе холдинга «Сибур». Его нынешние собственники не обладают компетенциями в химической отрасли и не интегрированы ни в один крупный профильный холдинг, что существенно ограничивает развитие завода.

До определённого момента мы придерживались мнения, что добыча и переработка метана в Кузбассе, а также нефтепереработка при должном внимании со стороны инвесторов могли бы со временем вырасти в крупный газонефтехимический кластер. Однако прежние прогнозы по угольному метану не оправдались, и метаноугольная отрасль сегодня уже не может рассматриваться как источник продукции с высокой добавленной стоимостью. В лучшем случае будут создаваться локальные энергоустановки на метане.

Самый крупный в Кемеровской области Яйский НПЗ принадлежит компании «НефтеХимСервис» и не входит в крупные российские нефтедобывающие и нефтехимические структуры. В феврале 2021 г. завершился второй этап его строительства с объемом инвестиций 30 млрд руб. (всего накопленный объем инвестиций в проект составляет 54 млрд руб.). Кредит в размере 30 млрд руб. предоставил Альфа-банк⁴². Но в перспективе не исключаем, что дальнейшее финансирование этого проекта в части производства крупнотоннажных полимеров может столкнуться с большими трудностями. Даже ведущие российские нефтяные корпорации испытывают серьезные затруднения с инвестициями в связи с ограничительными мерами международных финансовых групп⁴³. Как один из вариантов развития этого проекта можно рассматривать его вхождение в одну из крупных российских нефтегазохимических структур.

Новомодные «фишки». Сложно понять, что подтолкнуло авторов стратегии «Кузбасс-2035» (2020) предложить и обсуждать возможность и целесообразность развития в регионе целого веера малообъяснимых проектов «мирового уровня». То ли желание подогнать экономику региона под заданную властями траекторию роста и некоторым образом «укрепить» несостоявшиеся драйверы, то ли элементарное отсутствие отраслевых компетенций. К таким предложениям следует отнести строительство скоростной железной дороги Юрга – Таштагол, железной дороги

⁴² Компания «НефтеХимСервис» объявила об успешном завершении второго этапа строительства Яйского нефтеперерабатывающего завода // Официальный сайт компании «НефтеХимСервис». (12.02.2021). URL: <https://nhs-kuzbass.ru/news/events/kompaniya-neftekhimservis-obyavila-ob-uspeshnom-zavershenii-vtorogo-etapa-stroitelstva-yayskogo-neft/> (дата обращения: 17.02.2021).

⁴³ URL: https://www.rbc.ru/business/10/03/2021/6048e27f9a794751adf79dfe?from=from_main_4 (дата обращения: 17.02.2021).

Таштагол– Урумчи (КНР), создание в регионе «сухого порта», производство водорода и его экспорт.

Проблема даже не в том, что современная долгосрочная стратегия РЖД не предусматривает никаких железных дорог на этих направлениях⁴⁴, да и водородная стратегия РФ только-только начинает обсуждаться⁴⁵, а в том, что, продвигая эти проекты, авторы забывают, ради каких основных целей разрабатывается стратегия развития региона. Например, производство водорода из угля существенно ухудшит экологическую ситуацию в Кемеровской области, в свою очередь строительство железной дороги Таштагол – Урумчи (необходимость которой вовсе не очевидна при наличии действующей железной дороги Урумчи – Алма-Ата – Барнаул – Новокузнецк) нарушит экологический баланс уникального природного района в Горном Алтае⁴⁶.

Заканчивая рассматривать проблему драйверов развития, мы вынуждены констатировать, что современный экономический потенциал Кузбасса вполне может обеспечить ему стабильное, но не ускоренное развитие. А вот новые, предложенные авторами свежей стратегии проекты не коррелируют со стратегиями развития ни госмонополий, ни частных корпораций, ни других сибирских регионов.

При этом можно понять Президента России В.В. Путина, который, говоря о необходимости дифференциации экономики Кузбасса, в качестве одного из основных проектов называет развитие горнолыжного курорта «Шерегеш». В самой Программе социально-экономического развития региона до 2024 г., которую

⁴⁴ Справедливости ради надо отметить, что в РЖД в 2015–2017 гг. рассматривали в качестве одного из вариантов строительство дороги Новосибирск–Салаир–Прокопьевск – Новокузнецк – Междуреченск и далее на восток как часть скоростной магистрали «Евразия» в Китай (Источник: МК в Кузбассе, декабрь, 2017).

⁴⁵ Практически нет шансов, что обсуждаемая водородная стратегия России будет предусматривать широкое производство водорода из угля, которое относится к так называемым грязным, или «серым» технологиям. К «зелёным» относится производство водорода электролизом воды с использованием возобновляемых источников энергии, а к «голубым» – его получение из природного газа. В настоящее время отсутствуют экономически целесообразные технологии хранения и транспортировки водорода, нет понимания, какими будут способы его использования на электростанциях, нет понимания, как будет выглядеть логистика его применения на транспорте. (См., напр.: *Марцинкевич Б.* «Углеводородный налог» – заявить легче, чем ввести // Журналистская правда. 31.03.2021). К тому же при экспорте водорода важно нахождение его производства вблизи газотранспортных систем.

⁴⁶ Часть предполагаемой магистрали должна будет проходить через Горный Алтай в местах, где формируется водосток реки Оби и её притоков.

в марте 2021 г. утвердило Правительство РФ, туризм назван «приоритетной отраслью экономики» для Кузбасса, а непосредственно развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш» касается десяток мероприятий этой программы, на реализацию которых запланировано выделение средств, в том числе из федерального бюджета⁴⁷.

*Инструменты и институты развития*⁴⁸. Предлагаемый разработчиками стратегии «Кузбасс-2035» (2020) инструментарий развития вполне соответствует духу документа. Есть здесь и общепринятые инструменты, такие как диверсификация экономики, трансформация финансовой системы, цифровые технологии, международная кооперация. Есть и экзотические предложения вроде создания бренда «Кузбасс – регион достойной жизни людей», создания товарного хаба или объявления Кузбасса свободной экономической зоной⁴⁹.

К сожалению, даже среди специалистов бытует мнение о том, что в Кемеровской области инструменты и институты развития представлены в достаточном количестве (развитое региональное законодательство о предпринимательстве и его стимулировании, защите инвестиций, работающие институты развития – технопарк, различные территории опережающего развития и пр.) [Стратегирование человеческого потенциала..., 2020. С. 292–315]. Однако, по нашему мнению, в Кузбассе нет главных из них:

- «железной руки власти»;
- элит, нацеленных на развитие;
- гармонии власти, бизнеса и территории;
- инструментов контроля за выдачей лицензий на добычу угля, технической и экологической политикой собственников угольных активов;

⁴⁷ Программа социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса до 2024 года (утв. распоряжением Правительства РФ № 556-р от 06.03.2021). URL: <http://static.government.ru/media/files/JdaK3JTUTv5pCKcPuG4ttgPRv6lnaxuU.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

⁴⁸ Мы не рассматриваем здесь такие инструменты, как программа развития Кузбасса до 2024 года, разработанную и профинансированную по поручению Президента РФ (2021 г.).

⁴⁹ В современном глобальном мире такие инструменты уже не работают так эффективно, как в конце прошлого века, а товарный «хаб» для регионов юга Западной Сибири давно создан в соседней Новосибирской области («Толмачёво»), и конкурировать с ним вряд ли возьмется какой-то инвестор.

- готовой инфраструктуры для развития бизнеса;
- контроля за ростом всех секторов экономики, а не только угля;
- достаточной экономической свободы для малого бизнеса (власти исповедуют концепцию – как можно больше получить с предпринимателей на входе в бизнес, а не ждать, пока тот окрепнет и вырастет).

«Кузбасс-2035»: перезагрузка

Критически осмысливая принятую в 2020 г. Стратегию развития Кузбасса до 2035 г., мы отдаём себе отчёт, что само по себе наличие или отсутствие такого документа не является показателем успешности либо неуспешности региона. Однако для таких регионов, как Кузбасс, где тренды долгосрочного развития неочевидны и вполне возможны сценарии развития с радикальными структурными сдвигами по причинам в основном внешних вызовов, ключевые ориентиры развития на 15–20 лет вперед для власти, бизнеса и населения просто необходимы.

Концепция отношений в системе «уголь – регион», которая многие годы базировалась в Кузбассе на принципе «уголь кормит регион», себя изжила. Сегодня остро стоит вопрос о формировании новой экономической доктрины отношений между главной (на текущий момент) отраслью и территорией. В ее основу должна быть положена идея о том, что ресурсы (в том числе угольные) обладают колоссальной социально-экономической ценностью. Добыча угля, так и не сумевшая за прошедшие десятилетия стать драйвером развития кузбасской экономики, теперь должна попытаться взять на себя роль ее трансформатора. Причем момент «долженствования» в данном случае носит не политический, а взаимовыгодный – и для самой отрасли, и для региона – экономический характер. Кузбасс-аутсайдер не сможет поддержать грядущий неизбежный процесс адаптации угольной отрасли под условия четвертого энергетического перехода. Угольному бизнесу, который хочет в будущее, нужен Кузбасс-лидер.

Что для этого делать? Прежде всего надо понять, чем в настоящее время обладает Кузбасс. Несмотря на наличие стратегических документов, как того требует законодательство, до сих пор нет четкого представления о потенциале региона с точки зрения его участия в процессе создания ценностей внутри страны

и за рубежом. Следует провести технологический, экологический и социальный аудит территории; выполнить комплексную оценку конкурентоспособности Кемеровской области (природно-ресурсных, экологических, социально-демографических, инновационно-производственных, инфраструктурных и институциональных факторов); оценить место и роль Кузбасса с макроуровня – в контексте развития Сибири и России в целом, в том числе определить силу существующих межотраслевых и межрегиональных взаимодействий; проанализировать инвестиционные проекты в рамках региональных стратегий и межрегиональных инициатив, выделив не более трёх–пяти стратегических приоритетов; сформировать и внедрить систему инструментов и институтов развития.

В этой связи необходимо уделить особое внимание организации работы угольного бизнеса в Кузбассе. В частности, давно назрела потребность в изменении системы управления недропользованием. В настоящее время региональные власти не могут влиять на уровень и развитие корпоративного управления, экологическую политику компаний, формирование центров прибыли.

Представляется целесообразным использовать опыт Канады [Моргунов, 2014] для совместного управления природными ресурсами – с участием федеральных, региональных, муниципальных властей и местного населения в решении вопросов распределения денежных средств, управления охраной окружающей среды и возобновляемости ресурсов. Речь идёт как о принятии соответствующих законодательных актов, так и об использовании многосторонних соглашений, основанных на принципах эффективного использования недр и участия населения в доходах от недропользования. Опыт Канады свидетельствует о целесообразности присутствия публично-правовых начал в регулировании недропользования.

Применительно к Кузбассу, на наш взгляд, представляется возможным, чтобы региональные власти вышли на федеральный центр с предложением об организации Сибирского горного округа, задачами которого стали бы проведение аукционов, выдача лицензий и разрешений на добычу полезных ископаемых, экспертиза проектов освоения месторождений, контроль за комплексной переработкой сырья и утилизацией отходов, сотрудничество с администрациями регионов.

Не менее важно создать в Кемеровской области условия для направления угольных рентных доходов, которые имеют конъюнктурный характер, в перестройку социально-экономической сферы для повышения качества жизни населения территории. Для этого могут быть использованы, например, налоговые рычаги. На данный момент основным является налог на прибыль, его величина зависит от цен на уголь на мировых рынках. Часто территория оказывается в ситуации, при которой региональные ресурсы используются по максимуму (полезные ископаемые извлечены из недр, усилия рабочих затрачены, экология нарушена), а компенсацию за это регион не получает из-за низких цен на уголь. Изменить ситуацию можно, снижая зависимость налоговой базы от прибыли и повышая в пользу региона налог на добычу полезных ископаемых, налог на основные фонды, экологический налог.

Вместе с тем Кемеровская область должна начинать готовиться к «мягкой посадке угледобычи»: доходы от угля постепенно будут замещаться доходами от других секторов экономики, в том числе тех, что начнут появляться и развиваться в результате инвестирования «угольных денег». Мировая экономика накопила большой опыт развития регионов, в которых на разных исторических этапах была прекращена добыча угля. В большинстве случаев нет необходимости копировать этот опыт, однако многие инструменты превращения некогда «чёрных» регионов в центры медицины, туризма и т.п. использовать можно. Причем, изучая опыт других стран (в частности, США, Великобритании, Германии), мы пришли к выводу, что чем раньше власти, бизнес и население угольных территорий начинают готовиться к такому развитию событий, тем безболезненнее проходит процесс «мягкой посадки». Здесь во многом решающее значение имеет качество подготовки.

Сегодня Кузбассу пора задуматься над кардинальной сменой экономической политики, заняться разработкой реалистичных сценариев долгосрочного развития территории как части большой системы – азиатской части России, всей страны и даже мира. При этом рассматривать уголь следует как ценный, уникальный инструмент, но уже не панацею.

Литература

Аганбегян А. Г. Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. М.: ВЭО России, 2020. Т. 223. С. 47–69. DOI: 10.38197/2072–2060–2020–223–3–47–69

Александров С. И., Речко Г. Н., Фридман Ю. А. Кузбасс: стратегия социально-экономической реконструкции. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. 188 с.

Ивантер В. В., Клепач А. Н., Кувалин Д. Б., Широков А. А., Янков К. В. Программа первоочередных действий по социально-экономическому возрождению Кузбасса // ЭКО. 2018. № 11. С. 31–46. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2018–11–31–46.

Исламов Д. В. 10 факторов ЗА углехимию для России. Минэкономразвития России. 2012. 29 мая. URL: <https://www.slideserve.com/chesna/10> (дата обращения: 17.03.2021).

Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово, Кемеровский государственный университет, 2020. 170 с.

Копытов А. И., Шапкин С. В. Угольные ресурсы Кузбасса как фактор выбора стратегии развития отрасли // ЭКО. 2018. № 11. С. 76–83. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2018–11–76–83

Крюков В. А., Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю. Кузбасс в новом времени / Отв. ред. В. В. Кулешов, В. Е. Селиверстов. Новосибирск, Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. 179 с.

Крюков В. А., Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю. Стратегия «Кузбасс-2035»: в гармонии с углем // ЭКО. 2018. № 11. С. 8–30. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2018–11–8–30

Латкин А. П., Шохина Е. В. Оценка динамики реализации модели ускоренного развития российского Дальнего Востока // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2019. № 3. С. 97–121.

Моргунов Е. В. Управление недропользованием в Канаде // Народонаселение. 2014. № 2. С. 121–131.

Очерки экономики Сибири / Отв. ред. В. В. Алексеев. Новосибирск: Наука Сиб. отд., 1980. 352 с.

Плакиткин Ю. А., Плакиткина Л. С., Дьяченко К. И. Влияние основных рисков, санкций и неблагоприятной конъюнктуры рынка на развитие угольной отрасли России на период до 2040 г. // Горный журнал. 2020. № 10. С. 54–59. DOI: 10.17580/gzh.2020.10.03

Ресурсная модель модернизации экономики: возможности и ограничения / Под ред. В. Б. Кондратьева. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 326 с.

Ресурсные регионы России в «новой реальности» / Под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.

Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике / Отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 2013. 435 с.

Селиверстов В. Е. Сибирская школа стратегического планирования / Под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. 199 с.

Солоу Р.С. Теория роста и перспектива. Лекция, посвящённая памяти Альфреда Нобеля (Кембридж, Массачусетс). 1987. 8 дек. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/113279p1.html> (дата обращения: 17.09.2020).

Стратегирование человеческого потенциала Кузбасса / Под науч. ред. В.Л. Квинта. Кемерово: КеМГУ, 2020. 440 с.

Структурная модернизация как фактор повышения конкурентоспособности региона (на примере Красноярского края) / Отв. ред. Н.Г. Шишацкий. Новосибирск, Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. 509 с.

Таразанов И.Г. Итоги работы угольной промышленности России за январь-декабрь 2014 года // Уголь. 2015. № 3. С. 56–71.

Таразанов И.Г. Итоги работы угольной промышленности России за январь-декабрь 2016 года // Уголь. 2017. № 3. С. 36–50.

Таразанов И.Г., Губанов Д.А. Итоги работы угольной промышленности России за январь-декабрь 2019 года // Уголь. 2020. № 3. С. 54–69. DOI: 10.18796/0041-5790-2020-3-54-69

Таразанов И.Г., Губанов Д.А. Итоги работы угольной промышленности России за январь-декабрь 2020 года // Уголь. 2021. № 3. С. 27–43. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-3-27-43.

Томская область: трудный выбор своего пути / Под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. 260 с.

Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / Под ред. А.Я. Троцкого. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 423 с.

Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю. «Кузбасс» и «уголь» в контексте совершенствования механизмов гармонизации развития // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19, № 2. С. 89–98. DOI: 10.25205/2542-0429-2019-19-2-89-98

Шаклеин С.В., Писаренко М.В. Состояние сырьевой базы угольной промышленности Кузбасса // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2019. Вып. 4. С. 177–186.

Статья поступила 08.04.2021

Статья принята к публикации 04.05.2021

Для цитирования: *Крюков В.А., Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю.* «Кузбасс-2035»: гадание на стратегиях или перезагрузка // ЭКО. 2021. № 6. С. 8–45. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-6-8-45

References

Aganbegyan, A.G. (2020). *Crisis as a window of opportunities for socio-economic development*. In: *Scientific works of the Free economic society of Russia*. Moscow, Free economic society of Russia Publ. Vol. 223. Pp. 47–69. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-47-69 (In Russ.).

Aleksandrov, S.I., Rechko, G.N., Fridman, Yu.A. (1991). *Kuzbass: the strategy of social-economic reconstruction*. Novosibirsk, Nauka SB Publ. 188 p. (In Russ.).

Alekseev, V.V. (Ed.). (1980). *Outline of Siberian economy*. Novosibirsk, Nauka SB Publ. 352 p. (In Russ.).

Fridman, Yu. A., Rechko, G. N., Loginova, E. Yu. (2019). “Kuzbass” and “Coal” in the Context of Perfecting Development Harmonization Mechanisms. *Mir ekonomiki i upravleniya. World of Economics and Management*. Vol. 19. No. 2. Pp. 89–98. (in Russ.) DOI: 10.25205/2542–0429–2019–19–2–89–98 (In Russ.).

Islamov, D.V. (2012). *10 factors FOR coal-chemistry for Russia*. Ministry of Economic Development in Russia. 29 May. Available at: <https://www.slideserve.com/chesna/10> (accessed 17.03.2021). (In Russ.).

Ivanter, V.V., Klepach, A.N., Kuvalin, D.B., Shirov, A.A., Yankov, K.V. (2018). The Priority Action Program for Social and Economic Recovery of Kuzbass Region. *ECO*. No. 11. Pp. 31–46. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–11–31–46 (In Russ.).

Kondrat'ev, V.B. (Ed.). (2016). *Resources-based modernization model: opportunities and constraints*. Moscow, IMEMO Publ. 326 p. (In Russ.).

Kryukov, V.A., Fridman, Yu.A., Rechko, G.N., Loginova, E. Yu. (2018). The KUZBASS-2035 Strategy: In Harmony with Coal. *ECO*. No. 11. Pp. 8–30. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–11–8–30 (In Russ.).

Kryukov, V.A., Fridman, Yu.A., Rechko, G.N., Loginova, E. Yu. (2020). *Kuzbass in a New Age*. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ. 205 p. (In Russ.).

Kuleshov, V.V. (Ed.). (2014). *Tomsk region: difficult choice of local way*. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ. 259 p. (In Russ.).

Kuleshov, V.V. (Ed.). (2017). *Resource regions of Russia in the “new reality”*. Novosibirsk, IEIE SB RAS Publ. 308 p. (In Russ.).

Kvint, V.L. (2020). *Concept of strategizing*. Kemerovo, Kemerovo State University Publ. 170 p. (In Russ.).

Kvint, V.L. (Ed). (2020). *Strategizing the Human Capacity of the Kuzbass Region*. Kemerovo, Kemerovo State University Publ. 440 p. (In Russ.).

Kopytov, A.I., Shaklein, S.V. (2018). Coal resources of Kuzbass as a factor in the choice of industry development strategy. *ECO*. No. 11. Pp. 76–83. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–11–76–83 (In Russ.).

Latkin, A.P., Shokhina, E.V. (2019). Assessment of the dynamics of the accelerated development of the Russian Far East. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema*. No. 3. Pp. 97–121. (In Russ.).

Morgunov, E.V. (2014). Management of the mineral resources use in Canada. *Narodonaselenie. Population*. No. 2. Pp. 121–131. (In Russ.).

Plakitkin, Yu.A., Plakitkina, L.S., Dyachenko, K.I. (2020). Impact of basic risks, sanctions and adverse market conditions on the coal industry development in Russia over the period to 2040. *Gornyi zhurnal*. No. 10. Pp. 54–59. DOI: 10.17580/gzh.2020.10.03 (In Russ.).

Seliverstov, V.E. (2013). *Regional Strategic Planning: From Methodology to Practice*. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ. 435 p. (In Russ.).

Seliverstov, V.E. (2016). *Siberian School of Strategic Planning*. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ. 199 p. (In Russ.).

Shaklein, S.V., Pisarenko, M.V. (2019). Current state of the resource base of coal industry in Kuzbass. *Izvestija Tluskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o zemle*. Vol. 4. Pp. 177–186. (in Russ.).

Shishatsky, N.G. (Ed.). (2020). *Structural modernization as the factor of enhancement regional competitiveness (in Krasnojarsk region case)*. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ. 509 p. (In Russ.).

Solou, R.S. (1987). Theory of growth and outlook. Available at: <http://lib.rin.ru/doc/i/113279p1.html> (accessed 17.09.2029). (In Russ.).

Tarazanov, I.G. (2015). Russia's coal industry performance for January – December, 2014. *Ugol'. Coal journal*. No. 3. Pp. 56–71. (In Russ.).

Tarazanov, I.G. (2017). Russia's coal industry performance for January – December, 2016. *Ugol'. Coal journal*. No. 3. Pp. 36–50. (In Russ.).

Tarazanov, I.G., Gubanov, D.A. (2020). Russia's coal industry performance for January – December, 2019. *Ugol'. Coal journal*. No. 3. Pp. 54–69. DOI: 10.18796/0041–5790–2020–3–54–69 (In Russ.).

Tarazanov, I.G., Gubanov, D.A. (2021). Russia's coal industry performance for January – December, 2020. *Ugol'. Coal journal*. No. 3. Pp. 27–43. DOI: 10.18796/0041–5790–2021–3–27–43 (In Russ.).

Trotskovsky, A. Ja. (Ed.). (2017). *Transformational activities and formation of competitive advantages in Altai region*. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ. 423 p. (In Russ.).

Summary

Kryukov, V. A., Academician RAS, Doct. Sci. (Econ.), Director, **Fridman, Yu.A.**, Doct. Sci. (Econ.), **Rechko, G.N.** Cand. Sci. (Econ.), **Loginova, E. Yu.**, Cand. Sci. (Political), Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Kuzbass-2035: Strategy Gazing or Reset

Abstract. Since Kemerovo Oblast was established in 1943, the region's long-term development has been explored within two all-Union conferences (in 1948 and 1988) and five strategic documents by various collective bodies. The latest strategy was approved in December 2020. However, life in the oblast looks different from that “predicted” future. We are aware that no expert can foresee how Kuzbass will advance 25–30 years from now. Behavioral patterns of authorities, businesspeople, and residents are changing almost constantly with globalization and progress in science and technology; and these changes may accelerate significantly moving forward. Therefore, contemporary regional strategizing is not trying to guess how fast the region will develop. Its critical objective is to understand what basic economic idea will underlie development models and tools, which regional competitive advantages can be of use to the state and investors today, and what should be done to gain a competitive edge on the one hand and minimize internal/external risks on the other. Researchers at the Institute of Economics and Industrial

Engineering SB RAS have accumulated experience in strategic planning for Siberia and its regions. They are currently partnering with leading academic organizations that specialize in this area to draft an Asian Russian development strategy. This paper presents the author's evaluation of modern strategic development processes in Kuzbass from the standpoint of the Siberian School of Strategic Planning, plus an analysis of the proposed growth drivers and governance tools. It also puts forward the idea of resetting strategic plans for the development of Kuzbass as a testing ground for new development tools meant to be applied in the Asian part of Russia.

Keywords: *Kuzbass; strategizing; anchor project; competitiveness factors; driver; tool; development institutions*

For citation: Kryukov, V.A., Fridman, Yu.A., Rechko, G.N., Loginova, E.Yu. (2021). Kuzbass-2035: Strategy Gazing or Reset. *ECO*. No. 6. Pp. 8–45. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-6-8-45